

Караулов Михаил Александрович

**Говор станиц бывшего
Моздокского полка Терского
казачьего войска**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Александрович К.**
Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска / Караулов Михаил Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-519-88331-3

ISBN 978-5-519-88331-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ти. Руководствуясь этими соображеніями, я собирал матеріалы для очерка только в одной из них, Галюгаевской, причем выбор мой был обусловлен с одной стороны тѣм, что вліяніе литературной рѣчи проникло туда еще не в такой степени, как, напр., это можно замѣтить в ст. Наур, а с другой стороны и тѣм немаловажным для собирателя обстоятельством, что в этой станицѣ у меня достаточное количество родственников, что значительно облегчало мой труд при собираніи матеріала.

Говор шестой станицы — Стодереvской — может быть при болѣе глубоком изслѣдованіи и представил бы нѣкоторыя особенности, но по недостатку времени я не имѣлъ возможности заняться этим и ограничился лишь поверхностным наблюденіем, которым констатировал тот факт, что в общем он тождествен с говором Галюгаевским, и разницу, если только она существует, нужно искать лишь въ частностях.

Уже в позднѣйшее время, около середины XIX в. всѣ станицы Моздокскаго полка приняли в свою среду новый элемент — переселенцев из южной Россіи, но этот новый слагающій и теперь еще недостаточно слился с коренным населеніем, а потому оказал на его рѣч слишком слабое вліяніе, которое легко было вскрыть и устранить с поля нашего наблюденія.

Обобщая предыдущее, мы можем сказать, что очерк наш представляет из себя характеристику говора казаков бывшаго Моздокскаго полка, т. е. другими словами, что район изучаемаго нами говора совпадает с той частью нынѣшняго Горско-Моздокскаго полка, станицы которой лежат от Моздока вниз по Тереку до станиц Кизляро-Гребенскаго полка.

Общія замѣчанія.

Уже при первом поверхностном наблюденіи можно без труда замѣтить, что казачье населеніе станицы дѣлится по особенностям говора на нѣсколько групп. Виро-

чем различіе между этими группами отнюдь не качественного, но только количественнаго характера, т. е. особенности в говорѣ всѣхъ однѣ и тѣ же и только с различной степенью ясности, послѣдовательности и силы выдѣляются в говорѣ различныхъ группъ. Ярче всего особенности, отмѣченныя в нашемъ очеркѣ обрисовываются в говорѣ женскаго населенія всѣхъ возрастовъ, затѣмъ слѣдуютъ дѣти, далѣе — старики и, наконецъ, — мужское населеніе зрѣлаго возраста.

Причины такого раздѣленія понятны сами собой. Во-первыхъ, общественная служба, т. е. отправленіе нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей при станичномъ правленіи, и служба в полку не могутъ не отразиться на рѣчи казака, ухо котораго привыкаетъ постепенно къ канцелярскому языку и городской рѣчи. Во-вторыхъ, на мужское населеніе сильнѣе вліяетъ школа и, грамотность между казаками гораздо болѣе распространена, чѣмъ между казачками. В-третьихъ, казакъ гораздо болѣе бываетъ за предѣлами своей станицы по общественнымъ и частнымъ дѣламъ, а потому болѣе сталкивается съ людьми иной рѣчи.

Что же касается до стариковъ, то у нихъ вліяніе городской рѣчи менѣе замѣтно с одной стороны по той простой причинѣ, что оно на нихъ слабѣе отразилось в свое время, такъ какъ в ту пору, когда они были молоды о школахъ нечего было и думать, да и не до школъ было, а с другой стороны, если какое вліяніе и было, то с теченіемъ времени, оно почти совершенно изгладилось благодаря почти безвыѣздному пребыванію в станицѣ, в обществѣ женскаго населенія, никакому вліянію не подвергавшагося, да и не подвергавшагося.

В своихъ наблюденіяхъ я, конечно, обращалъ главное вниманіе на наиболѣе характерную группу, т. е. наблюдалъ главнымъ образомъ говоръ женщинъ и дѣтей.

ФОНЕТИКА.

Гласные.

А, О. В области гласных звуков в говорѣ казаков Моздокскаго отдѣла мы прежде всего отмѣтим ясно выраженное довольно сильное аканье со всѣми сопровождающими его явленіями: в неударяемых слогах *о* и *а* звучат очень неясно, приближаясь къ *а*; в слогах ударяемых, гдѣ гласный звук проясняется, мы находим эти звуки один вмѣсто другого:

1. зямлі́ ф ко́зну аташл́а, на скóмью, то́щить, во́риш, насóдють, плóтють, ко́тицца, брóницца, во́лицца, правóлишси, удво́ивать, унаво́живать, устро́ивать, пригото́вливать, заморóзывать.

2. ла́вить, ла́вють, щита́ть я да́ста знаю, хто кра́инь, тот и шѣ́ть.

Ударяемое *о* произносится не так открыто, как в московском говорѣ, однако несколько не приближается къ *у* или тѣмъ болѣе къ *yo*.

Неударяемые *а* и *о* совпадают в одном звукѣ, близком къ *а* в слогѣ, стоящем непосредственно перед ударяемым: сав́а, трав́а, сал́ить, шал́ить ¹⁾. В слогѣ перед удареніем, но не сосѣднем с ним общій звук, в котором совпадают *а* и *о*, произносится как краткое *а* (*ä*), переходящее перед слогом с *а* (*о*) в глухой звук (*ɤ*), все-таки близкій къ *а*: палеч́ить, за́глуши́ть, пайнис́у, пяр́у-б́ить, стáршина́, стáрийи́, б́ьрад́а, ѓьлав́а, б́ьра-

¹⁾ Послѣ шипящих может слышаться *ы*: жыл́еть, лашы́дѣй, шы́лть, но постоянно жар́а, жан́их, жан́а, жан́и́цца.

²⁾ В первом слогѣ до ударенія мы находим глухой (*ɤ*) только в ну́къси́, но здѣсь мы имѣем дѣло с перенесеніем ударенія и рядом с этой формой, и даже чаще ея, встрѣчается вполне правильно (см. ниже) ну́къся.

пá, стърапá, пълатпó, зълажѣть пѣстарáцца, мѣгарѣч, бѣхрамá, пѣлавѣнна, пѣрхавóй, кѣравáй, пѣчавáть, пѣталóк, пѣталкá, кѣрамѣсла; иногда звук совершенно исчезает: калкалá, сархванѣй, балдарѣм²⁾).

В положеніи послѣ ударенія звуки *а* — *о* совпали также в кратком *а* (á): Фѣдар, гóбрáт, гóлас, хóлат, причем это *а* (будучи в слогѣ не конечном) может переходить въ глухой (ъ) или даже совершенно исчезáть, если ему предшествует один согласный: гóлъса, в гóръде, на хóльде, нѣкъся, кóлкал, глѣнка, глѣнкай¹⁾, здóрва, по сѣльнáму и т. п.

В конечных неударяемых открытых слогах звуки *а* и *о* также совпали в одном, близком к *а*: дóббрава, сляпóва, сѣна, мáсла, слáва, слóва, сѣла, бáтюшка.

В началѣ слов *о* иногда может измѣниться в *у*: утнял у минѣ, гдѣ *у* явилось быть может под вліяніем слѣдующаго дальне предлога.

Переход *о* — *а* в *ы* замѣчается исключительно в словах пѣзымѣй, знычит, дык (вм. так), ды (= да), хыч (вм. хоть) и в предлогѣ-префиксѣ сы (со): приказáл знычит абѣт варѣть, дык óн и гаварѣть, ды и дялóф мнóга; сы гора, сы гóря, сы пѣчáли, сы кручины, сы вяснѣй, сы утра, сы навѣсамн, сы врагóм, сы гóрдым, сы стáрила, сы стáчила.

Начальное *а* в собственных именах часто исчезает: Кулѣнна, Хванáсѣй, Лякѣсѣй, Ликсáндрушка и т. п.

Под вліяніем различных условій на мѣстѣ нашего *а* послѣ мягких согласных находим *е* и *ё* в словах мѣч,

¹⁾ Впрочем отсутствіе гласнаго в глѣбоко, глѣбокой или должно объясняться аналогіей таких слов, как мелок — мелко, мелкой и т. п. или же имѣет под собой морфологическое основаніе, т. е. что корень глѣб мог принять два суффикса тькъ и къ, так как, по словам проф. С. К. Булича, формы глѣбоко, глѣбокій наблюдаются и в окружающих говорах, напр., в Казанской губ.

мѣчик (вм. мѣч, мѣчик), запрѣг, трѣс, цѣтнушки,
хрѣк, папѣва и т. п.

Е. — Я. — И. Неударяемые *е* и *я* совпадают в произношеніи или в явном *я* или же в неопредѣленном звуѣ близком к *е*, но одновременно напоминающем и *ж*: свято́й, гняздо́, плясáть, глядѣ́ть, вясно́й, пляни́си, пясú (и несú), платú (и плетú), гряшú в лясú, бярё́ть, гряшѣ́ть, нявѣ́ста, ляжѣ́, чаво́, часы́, шастой́, шаршáвый, жанá, жалúда́к, жалтúха, жалáнник, весь ѿ чарвáх (= в червях), лжжай и т. п.

Перед мягкими согласными *я* чередуется съ отчетливым *и*: гримѣл, щислѣѣ, типѣрича, дитеѣй, тирѣять, бирѣзу, рибѣта, литѣть, а рядом тярѣть, бярѣзу, рябѣта, лятить и т. п.

Звук *и* довольно часто слышимый в первом слогѣ до ударенія, совершенно не появляется в других слогах предшествующих ударенію, гдѣ мы находим глухое *и*, а в началѣ слов *е*: мисаѣд, лисавік, виставой, пирывоз, дирявѹшка, питачок, вирставой, дирявинный, чирянинный, дивятпѣццать, бис сумленіи, диятї, фтирямѹ, чилавѣк, сирябрѹ, сирядѣ, чижалѹ, вичаркѣ, ришатѹ, чисавой, жынихї (но жанїх), жыпихѣцца (но жанїцца), фшыстырѹм, еравой п т. д.

В слогѣ послѣ ударенія звуки *е* и *я* совпали в одном неясном звукѣ среднем между *е* и *я*: чѣтви҃ра, ѳзѣи҃ра, сѣми҃ра, дѣви҃ря, ты́си҃ча.

В конечном закрытом неударяемом слогѣ слышится довольно отчетливое *и*, одинаково перед мягкими и твердыми согласными: вѣтир, дѣних, мѣсиц, ѣстрин, вѣдил, устрѣил, вѣлис, нѣис, тѣним, будиши, бѣудить, хѣчить, ѳеинь, ѳчинь, кѣминь, кѣринь, дѣрипъ, дѣвирь, дѣвить и т. п. Послѣ шипящих *вм.* *и* может быть и *а*: вѣшал, мапѣшак, нѣжак, гарѣшак, зѣмужам и др. так же употребительны, как *вышл*, *мапашык* и т. д.

В открытых конечных слогах мы паходим *и* вм. *е* в оконч. 2 л. мн. ч. глаголов, в имен.-вин. п. существительных ср. р., в пѣкоторых числительных и парѣтіях и послѣ шипящих: несѣтя, ходѣтя и т. д., трѡя, двѡя, абѡя, тпѣря, дишѣвля, бѹдя, пдѹ фпѡля, тинѣрича, далѣча, хѹжа, дѹжа, тѡмжа, дѡжа, глѹбжа, бѡльша, вѣша, дѡльша и т. п. но вмѣсти, двѣсти, па базѡри, был фпѡли, ва стрѡги, па гарѡхи, па бѣриги, фскѡски и т. п.

Во втором слогѣ до ударенія довольно часто ослабленіе звука *е* в мягкій глухой (ѣ) или даже полное исчезновеніе гласнаго звука, сопровождающее отвердѣніем предыдущаго согласнаго: синѣкарѣшки, пирѣдакнѡм, чирѣз далину, пирвлязі, пиркусѣть, пирварпуть, виртянѡ, пирхватѣл, беркатѣха (вм. перекатиха = „перекати поле“), пирмянѣлси, пирпустилѡ, пирд акпѡм, чирз минѣ, чирз далину и т. п.¹⁾ Такое же явленіе может имѣть мѣсто (впрочем, гораздо рѣже) и в слогах сосѣдних с ударяемым, до и послѣ него: атдѡли в замуштва, тѣщн, тѣща, фсѣрѣду, пирпѣлушка, дистѣна (и диситѣна), щас (или сичас = сейчас) и т. п.

Под удареніем звуки *е* и *ь* не различаются и гласный звук в словах день, тѣнь, двѣри, двѣрка, мѣритъ мѣрка произносится одинаково; па мѣстѣ нашего *ь* мы находим иногда *и*: сѣиш, ѣим, ниѣиш, ѣисеть, цѣидить, дѣвир, сматрѣть бѣдим, ревѣть, ревѣли — ревѣли, усматрѣть можна. Впрочем в этих случаях мы не имѣем никакого основанія видѣть *переход* звука *ь* в *и*.

Начальное *э* в указательном мѣстоимени обыкновенно не сохраняется и звучит закрыто: *ѣто*, *ѣтат*, *ѣта-*

¹⁾ В этом случаѣ в слогѣ предшествующем ослабляемому происходит возникновеніе вторичнаго, едва замѣтнаго ударенія: пирхватѣл, пирпустилѡ и т. д.

кай, ёнтот; впрочем послѣ согласных э может оставаться: в ёто, с ёнтими, съ ёнтими и в ёто, с ёнтими. В серединѣ слов э находим только в аттѣль, атсѣль, аттѣда, атсѣда.

И— Iу. Звук *ё* вм. *й* находим только в общевеликорусском Кѣиѣ (Киѣв). Приближеніе к *е* замѣтно иногда в слогѣ стоящем непосредственно перед твердым ударяемым слогом: пастерáть, изберáть, менýта.

У. В слогах перед удареніем, но не сосѣдних с ним *у* произносится так глухо, что иногда приближается к *й* (*ѣ*): нýзырѣк почти как нъзырѣк.

Мелкія явленія в области гласных. Приставка *по* с слѣдующим *и* образует *ны*: нымáть, ныгрáть и т. п.

Два рядом стоящія *а* (*о*) или *е* могут сливаться в одно находясь в основѣ слова: набѣ́даши, забѣ́дела, Андрѣ́вна, Гардѣ́вна, но канѣ́нк, сѣ́нть, бѣ́гаить.

Под вліяніем форм с предлогами возникло *а* (вм. *о*) в словах аграма́днѣй, аржанóй, альпяно́й, тогда как *и* в ильну́, ильдý, иржѣ́ (встрѣчаются очень рѣдко) возникло чисто фонетическим путем; под вліяніем аналогіи других форм появились также Альво́ва (фамилія), игдѣ́ (ср. гдѣ́ и пдѣ́).

Вставку глухого *й* (*ѣ*), нѣсколько приближающагося к *ы* мы находим в словах пáшанó, пáшанѣ́ца, тѣ́ва-ро́х, скѣ́варѣ́ц, сáмалá (= смолá).

СОГЛАСНЫЕ.

Губные. Произношеніе губного *в* представляет нѣкоторыя особенности: перед гласными, плавными и звонкими согласными он сохраняется: водá, давóльна, весь, вóсим, вѣ́шнѣ, слáвначка, давнó, сравнѣ́ется, ивнѣ́к, певмоч, аврáх, навлѣ́н, таргóвля, Авдóтъя, певдомѣ́к и т. п. Перед глухими согласными (кажется, только перед твердыми *к*) в произношеніи многих *в* приближается к неслогообразующему *ў*: Влади-

каўка́за, Каўка́с, дать зеўка́, деўка́, по де́фьки говорят всѣ ¹⁾. Во всѣх остальных случаях, и слѣдовательно в концѣ слов, звук *в* произносится, как *ф*: гадóф, дварóф, крофь, ста́фья, де́фьки, тра́фка, сафсём, ф садý, ф цёрькафь и т. п.

Сочетанія губных с *ль* в концѣ слов терпят его: рунь, журафь, карань, по послѣ Усплénья.

Звук *ф* (не из *в*) в большинствѣ случаев переходит в *хв* (или *х*): Митрохвѣи, сарахвѣи, Ахванасій, Хвѣдар, цы́хра, хураж, по рядом Сóфья, фунт. *Квартира* звучит различно кватéра, хватéра и фатéра.

Гортанные. Звук *г* в словах горá, погá, дугá, тýго, гóрод и т. п. произносится точно также, как и в Бог, Госпóдь, богáтый, причем в обоих случаях близко к лат. *h*, но не так приближается к нашему *х*, как в малорусском выговорѣ, и скорѣе можно сказать, что *г* в моздокском говорѣ произносится средне между московским *ге* и малорусским *га*.

В окончаніи род. п. ед. ч. мѣстоименій и прилагательных постоянно паходим *в* на мѣстѣ исчезнушаго *г*: тавó, мавó, сляно́ва, сільнава, на́шива, слявóд-ни, по постоянно карагóд.

В концѣ слов *г* переходит в *х*: друх, долх, тилéх, начлéх, читвёрьх, санóх, рох и т. п.

Древнія сочетанія *кы, ыы, хы* в говорѣ Моздокскаго отдѣла, как и в большинствѣ русских говоров, уступили свое мѣсто сочетаніям *ки, ми, хи*: всякими, долгими, хитрый, булавками. Смягченія же гортаннаго в окончаніях *ка, ку* в говорѣ старожилов нѣтъ, но „гамсёлы“ ²⁾ его постепенно заносят.

Благодаря обычной для русскаго языка диссимилациі

¹⁾ Обратное только в глаголѣ вдáрить вм. ударить.

²⁾ Переселенцы из Россіи, иногородніе, лица не казачьяго происхожденія, но не туземцы; преимущественно великорусскіе крестьяне.

взрывных, мы находим т́ахта, х кресту́, пихчаму и т. п.

Иногда звук *к* слышится вмѣсто *т* и обратно: кѣсто (тѣсто), кисѣмка (тесѣмка), тѣтель (китель), тишкѣ (и кишкѣ), тѣслыи.

В *плавных* отмѣтим произношеніе слѣдующих слов: пѣрьвѣй, вѣрьх, свѣрьху, сѣрьн, зѣрькала, гѣрьница, пѣрьча, карьмѣть, карьзѣна, кѣчарьга, старьна, двѣрька, но цѣрква, вѣхром, стрыч, стрыгу́, стрыжак, скрьпка.

Свистящіе. Вмѣсто *с* находим *ц* в царай (на ряду с сарай) ¹⁾ и *ш* в шышнѣдцать.

В словах *цвѣсти*, *цвѣты* мы находим вм. *ц* то *с*, то *т*: галава́ в свѣты́ убѣ́та, твѣты́ раствѣлі́, твѣто́чки свѣту́ть ²⁾.

Шипящіе. Звук *ч* произносится мягко: чѣстый, чнѣтъ, чнхну́ть. Сохраненіе стараго *ч* замѣтно в словах чѣпля (птица), чѣпельник, чаплѣй (=сквородник) хѣчний, (хищный). Вм. *тяжелѣ* находим постоянно чижалѣ.

Перед *л* и *н* вм. *ч* слышится почти всегда *ш*: капѣнна, привѣнна, пѣлпамѣшний, пшѣпѣшний, дурѣшний, дурѣшливый, станѣшник, станѣшный, впрочем также и станѣчный, драчлѣивый, на вѣки вѣчнаи. Пѣшта, поштѣнный чрезвычайно рѣдко, обыкновенно же пѣчта, почтѣнный.

Звуки *ж* и *ш* произносятся твердо: жыр, шѣло, здѣшний, начлѣжник, дражнѣть, грѣшник. *Жд*.

¹⁾ Здѣсь *ц* явилось, быть может, потому, что слово это употребляется обыкновенно в выраженіях под сарай, под сараем звучащих поцарай, поцарѣем (ср. двадцать из двадцать), откуда уже выдѣлилось слово царай.

²⁾ Черты характерныя для различных говоров: так, свѣто́к обычно в Моск. и Калужск. губ, а твѣто́к во Владимирской.

вм. *жс* находим в страждениі (сраженіе), страждѣнца.

Звук *ш* произносится рѣже как *шшч* — щи, гүще, пущѣнца, а чаще как *шш*: шшѣка, шшотка, шамѣшник, мешшанін, лашшіна, вѣшши, нишб (ишбчб, ишб) мушшіна, пишшѣть, смушшѣть, шшебѣчуть, присѣдишша, расташшіли, пришшѣн, товѣриша, ашшинѣть, на шшакѣ, шшалыктать и т. п.

Удвоенное *жс* звучит твердо: лжжѣй, вяжжѣть, жжоть, вижжѣть (и вишшѣть), дажжѣ, дошш; сочетаніе зубных с *ш* звучит как *шч*: млѣччій, ушбччи, луччи (и лүтше).

Отпаденіе, выпаденіе и вставка согласных встрѣчаются сравнительно рѣдко и ограничиваются слѣдующими немногими случаями: абрюс, злббчик, стрепенісь, скричѣли, зойдѣть, сбнца, чүсвом, грүсний, радосный, атрѣску даватъ, стражбнный, страждѣніе, страждѣться, ндрав.

МОРФОЛОГІЯ.

ИМЕНА.

Существительныя муж. р. В род. ед. довольно часты формы с *у* вм. *а*: угомбну на вас пѣту, из сѣду, из саману, с нарѣву и т. п.

В мѣстн. п. ед. ч. отмѣтим существованіе форм с *у* на ряду с формами на *ь* (*и*): ф пѣску, на коню, на концю, на кону, на дѣячку, при атцю, в раву, ф тиряму, на поду, в кошю, назадѣ, виридѣ и т. п.

В имен. мн. — домѣи, лугѣи, медведѣи, скульпѣи.

В род. мн. укажем на употребленіе окончанія *ов* в словахъ обычно не имѣющихъ окончанія и обратно: аршінаф, салдѣтаф, зун и т. п. и употребленіе оконч. *ов* на ряду с *ей*: тяжбф, днѣф, рублѣф, гастѣф, по рлѣ